

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. КОГДА И ГДЕ СОЙДУТСЯ ПУТИ РОССИИ И ЕВРОПЫ?

*...Обаяние истории в том, что поиски никогда не кончаются.
Марк Блок*

*Эй, вы, задние! Делай, как я.
Это значит - не надо за мной.
Колея эта - только моя!
Выбирайтесь своей колеей!
Владимир Высоцкий*

Завершая книгу, авторы хотят подвести некий итог своих рассуждений о путях и тупиках развития России и Европы.

Взгляд в прошлое

Итак, современная Россия – это Европа и НЕ-Европа в одно и то же время. Хотя наши пути разошлись довольно давно, они постоянно сталкиваются и переплетаются друг с другом.

Возможно, на ранней догосударственной стадии (более двух тысячелетий тому назад) позднепервобытные германские и восточно-славянские племена практически ничем (с точки зрения теории экономических систем) не отличались друг от друга, являясь далекой варварской периферией античного мира. Затем их пути начали медленно, но неуклонно расходиться.

Германские племена уже в первые века нашей эры стали активно контактировать с Римской империей – сначала как враги, потом как союзники, затем как своего рода «наследники». В эпоху Великого переселения народов, когда франки, англосаксы и германцы «завоевывали родину», восточные славяне практически не принимали участия в делёжке «римского наследства». Первые государства стали появляться на территории России заметно позже «варварских» королевств Западной Европы. Если верить хронологии «Повести временных лет...», то Рюриковичи основали Киевскую Русь более чем через полвека после распада империи Карла Великого – первой попытки создать Объединенную Европу.

Эпоха Киевской Руси – время, когда наша страна, вероятно, еще была Европой (точнее говоря – раннефеодальной Европой), хотя, конечно, она была «другой Европой». С одной стороны, крещение по православному (византийскому) обряду еще немного отдалило Русь от католической Европы. С другой стороны, многочисленные браки европейских правителей с дочерьми русских князей (вспомним хотя бы Анну Ярославну – королеву Франции XI в.) показывают, что наших далеких предков европейцы тогда считали скорее «своими», чем «чужими».

Поворотной точкой в истории взаимоотношений Европы и России стал первый в нашей истории кровавый 37-й год. После татаро-монгольского нашествия 1237-1241 гг. Русь раскололась. Северо-Восточная Русь, данница Золотой Орды, превратилась из окраины Европы в окраину Азии, в периферийный вариант азиатского способа производства. Северо-Западная Русь (Новгород и Псков) и Южная (точнее – Юго-Западная) Русь смогли еще на несколько веков остаться «другой Европой», демонстрируя хотя и специфические, но все же феодальные институты.

Объединение русских земель в XIV-XVII вв. стало национальным возрождением, но и национальной трагедией (насколько вообще можно говорить о «национальном» применительно к той эпохе). Мы, современные россияне, изучаем родную историю с «московской» точки зрения. Нам трудно даже задуматься о том, что завоевание Москвы Литвой в XIV в. открыло бы перед российской цивилизацией гораздо лучшие перспективы

развития, чем те, которые реализовались в реальной истории. Россия Гедиминовичей была бы, скорее всего, гораздо более европейской страной, чем Россия Рюриковичей. К сожалению, московские князья оказались более «пассионарными», чем литовские. В результате к XVII в. Западная Россия как «другая Европа» постепенно исчезла, а Восточная Россия стала единственной Россией и – не-Европой.

Экономисты, изучающие зависимость от предшествующего развития, говорят об «эффекте блокировки»: после того как сделан некий выбор, определяющий сущность системы, дальнейшие изменения будут легко идти в ту же сторону, но очень тяжело – в обратную. История России нового и новейшего времени отлично демонстрирует этот эффект. Осознание необходимости перехода к институтам частной собственности и эффективной организации их спецификации происходило «со скрипом». Зато насаждение передельной общины с круговой порукой прошло как-то совершенно незаметно, так что даже современные историки не могут вполне понять механизм этой «тихой контрреволюции». А срыв 1917 г. вообще за несколько месяцев ликвидировал результаты строительства институтов частной собственности едва ли не за предшествующие два века.

В советский период Россия последовательно позиционировала себя не просто как не-Европа, а скорее как контр-Европа. Правда, «экспорт коммунизма» пришлось ограничить Восточной и отчасти Центральной Европой. А затем начался новый виток европеизации – сначала неявной, а затем (с конца 1980-х гг.) вполне сознательной. Но уже в начале 2000-х гг. стало очевидным, что Россия и Европа имеют слишком различные модели капиталистической экономики и остаются в лучшем случае стратегическими союзниками. В России после «дикого капитализма» 1990-х гг. под лозунгами патриотического этатизма начали усиливаться авторитарные институты (вплоть до регенерации однопартийной системы). Конечно, Россия слишком велика и разнообразна. Какая-нибудь Тюмень по уровню и качеству жизни может быть парадоксальным образом более европейской, чем какой-нибудь Ставрополь. И все же в целом постсоветская Россия начала XXI в. снова скорее противостоит Европе, чем сливается с нею.

Взгляд в будущее

Сойдутся ли вновь пути развития России и Европы, разошедшиеся более двух тысячелетий назад?

Несомненно, сойдутся! Весь вопрос в том, когда и где. Ведь, скажем, длительное противостояние Карфагена и Рима тоже закончилось тем, что их пути развития, так сказать, сошлись: сначала Рим раздавил Карфаген, а затем сам пал под натиском варваров.

Современные прогнозы нацелены, как правило, на несколько десятилетий вперед, а потому их точность не слишком велика. Зато если попробовать представить себе мир через полвека, через век, точность в некоторых аспектах может заметно повыситься. Ведь «лицом к лицу лица не увидать».

Несомненно то, что мир под влиянием индустриальных и постиндустриальных (Интернет!) технологий развивается под влиянием доминирующей тенденции к унификации. Так что главный вектор развития однозначно ведет к миру «без России, без Латвий».

Весь вопрос даже не в том, будет ли это «единое человеческое общежитие» европейским или российским. Куда важнее, не окажется ли оно исламским и/или китайским. И, безусловно, очень существенно, в какой степени оно будет человеческим и просто будет.

В ближайшие полвека Европе, России и прочему миру придется как-то решить две острейшие проблемы.

Первая проблема – истощение индустриальных источников энергии (нефти и газа). Если с ней справиться удастся – путем ли перехода на новые (постиндустриальные) источники, путем ли перехода на новые (постиндустриальные) методы использования старых источников, – то сверкающий постиндустриальный мир станет общим будущим для всех. Раньше надежды возлагались на освоение космоса, но сейчас эти надежды

сильно поблекли. Оказалось, что «космическая гонка» времен «холодной войны» - это забегание вперед. Сейчас человечество стоит *дальше* от полетов к Луне, чем это было в 1970-е гг. (старые аппараты отжили свой срок, новые рассчитаны почти исключительно на околоземное пространство). Если не произойдет «энергетической революции», то постиндустриальный мир может оказаться похожим на доиндустриальный. И далеко не все в него войдут. В него может не попасть вообще *никто*, если за последние капли бензина будут воевать до последнего патрона и до последней атомной боеголовки.

Вторая проблема – демографический дисбаланс между странами Запада (включая, в данном случае, и Россию) и странами Востока. Богатые и средние (как Россия) нации (точнее, основные этносы этих наций) страдают в той или иной степени от депопуляции. В то же время в бедных странах Азии, Африки и Латинской Америки продолжается демографический взрыв, увеличивая число бедняков, которые в принципе не могут стать «постиндустриалами». Проблема, конечно, не в том, будто «белая раса» боится быть уничтоженной «желтой расой» и «черной расой». Френсис Фукуяма (этнический японец), Эрнандо де Сото (перуанец), Артур Льюис (афро-британец) и многие им подобные убедительно показывают, что защищать европейские ценности и развивать европейскую культуру может кто угодно. Весь вопрос в том, сможет ли уменьшающаяся горстка европейцев передать свои основные ценности (прежде всего, рационализм, индивидуализм и демократию) огромной массе мусульман, индуистов и конфуцианцев. История поздней Римской империи убедительно демонстрирует, как варвары могут опрокинуть старую цивилизацию путем, прежде всего, простого численного превосходства. И тогда постиндустриальное общество может приобрести очень неожиданные оттенки. Ведь Интернет можно использовать как для электронных референдумов, так и для «электронного джихада».

Обе эти проблемы можно откладывать в «долгий ящик» еще десятилетие-другое, но к середине XXI в. их решение станет уже неотложным. Главный вопрос в том, кто будет решать. США свою роль «глобального полицейского» пока еще выполняет. Однако специалисты по мир-системному анализу, обобщая исторический опыт, утверждают, что военная гегемония какой-либо державы (Испании в XVI в., Великобритании во второй половине XIX в.) – это часто симптом приближения ее кризиса. Когда экономически старый лидер начинает проигрывать новым, то пушки остаются «последним доводом королей». Причем остаются не очень долго: новые «короли» рано или поздно демонстрируют более мощные «пушки». «Американский век» подходит к концу, но не понятно, кто станет новым лидером. А от вопроса, *кто* будет решать, сильно зависит, *как* будут решать.

Авторы книги считают себя умеренными оптимистами. У человечества есть хорошие шансы обеспечить Соединенным Штатам «мягкую посадку» и сформировать нечто вроде мирового правительствa на основе представительства *всех* цивилизаций. Механизм активной миграции позволяет представителям догоняющих цивилизаций заставлять считаться с собой безотносительно к военной и экономической мощи тех стран, где доминируют эти цивилизации. Скажем, в современном мире нет по-настоящему сильных исламских стран, но есть сильные группы граждан-мусульман во Франции, в России, в США и др. Поэтому абсолютное лидерство цивилизации (Западной) Европы можно будет относительно безболезненно сменить полицивилизационными институтами лидерства. В этом случае удастся и найти энергию для всех, и обеспечить всем оптимальный уровень демографического воспроизводства. Мир станет более регулируемым, но менее монополизированным.

Европейцы XXII века станут, видимо, похожи на современных американцев, представляя собой смесь белых, черных и желтых рас. Уступив в первой половине XX в. мировое лидерство американцам, европейцы постепенно станут более активными «игроками» мировой политики, причем выступая не только за цивилизацию Европы.

Россиянин XXII века тоже, безусловно, будет в среднем более черноволосым и

темнокожим, чем современный россиянин. Будет ли он говорить по-русски? или по-английски? или по-китайски?...Будет ли «единая и неделимая» Россия, или на карте мира Московская Республика будет граничить с Русской Джамахирией и Русско-Китайской Народной Республикой? That is the question.

Текущий XXI век станет бифуркационным и для России, и для Европы. Не спрашивай, по ком звонит колокол, по России или по Европе...

**Взгляд в настоящее:
тактические
приоритеты**

Нынешнее поколение россиян, скорее всего, НЕ будет жить при постиндустриальном обществе. Решение энергетической и демографической проблем вряд ли произойдет раньше середины столетия. Нам жить здесь – в стране догоняющего развития. Для нас ближайшая цель – это социальное рыночное хозяйство. Хотя эта модель придумана не нами, России надо отыскать свой путь к этой модели развития. Ориентируясь на опыт более развитых стран, никогда не удастся пройти след в след по их колее. Нам надо найти свою – новую! – колею.

Попытаемся сформулировать тактические и стратегические приоритеты на ближайшие годы.

Современная Россия страдает от «ресурсного проклятия». Чтобы избавиться от него, полученные от продажи топлива и сырья средства надо использовать для развития передовых технологий. Их можно потратить, делая упор на развитии либо государственного, либо частного сектора.

К первому пути склоняются авторы «Прогноза инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 года с учетом мировых тенденций». Они считают, что при инерционном сценарии развития государственный уклад сократится с 31% в 2004 г. до 19% в 2030 г., а доля среднего и крупного возрастет с 41% в 2004 г. до 49% в 2030 г., а присутствие иностранного капитала удвоится с 8 до 16% (Рис. 3-1). При реализации же инновационно-прорывного сценария развития доля государственного уклада должна возрасти к 2030 г. до 34%, тогда как крупного и среднего капитала должна сократиться до 38%, доля иностранного капитала – до 6%. Их место отчасти займёт мелкотоварный сектор, доля которого вырастит с 8% до 14%.

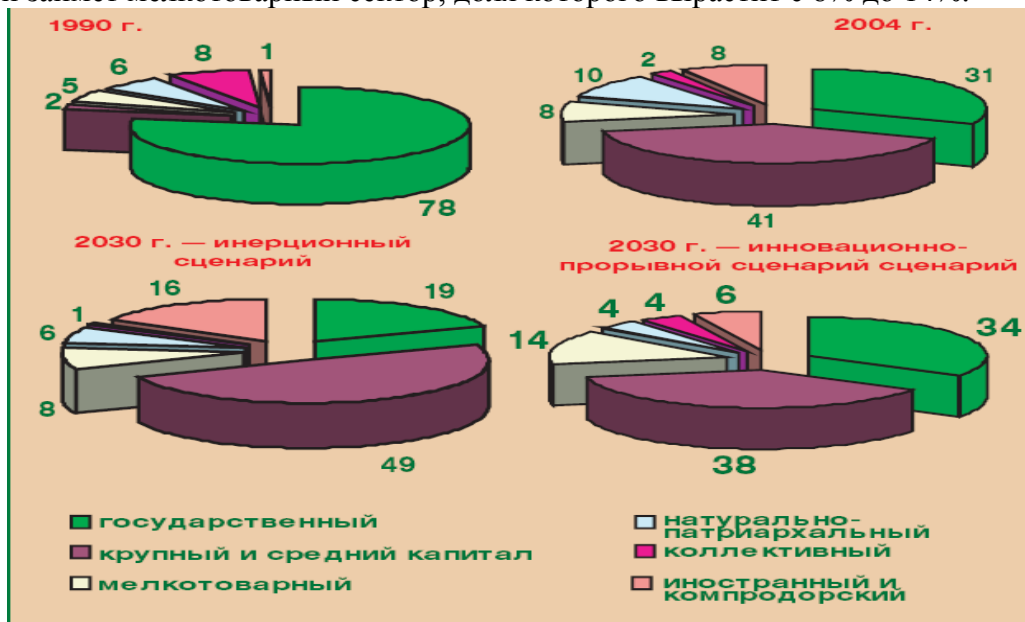

Рис. 3-1. Прогноз динамики институциональной структуры экономики России по укладам (%).

Источник: Прогноз инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 года с учетом мировых тенденций. М.: Институт экономических стратегий 2006, С. 35

Это означает, что ведущую роль в реализации инновационного сценария развития страны академики РАН отводят государству. Оно, по их мнению, должно взять на себя основную часть расходов (как в производственной, так и в социальной сфере), выступить в качестве стратегического инвестора в ключевых отраслях экономики.

Однако далеко не все столь оптимистично оценивают тенденцию к огосударствлению экономики. Скажем, Майкл Портер и его коллеги, авторы концептуального доклада «Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики», также соглашаются, что усиление государства в России неизбежно. Но они отводят ему иную роль. Американские ученые считают, что главную роль государства заключается в укреплении макроэкономического, политического, правового и социального компонентов институциональной среды. С их точки зрения, для экономического развития России необходимо:

- «создать эффективную и независимую систему юридических учреждений»;
- «улучшить функциональные возможности и профессионализм государственных учреждений» и
- «следовать принципам обеспечения конкуренции для улучшения качества коммунальных и социальных услуг»

Это означает, что «государству нужно отказаться от вмешательства в судопроизводство, даже когда его не устраивают принимаемые решения»¹. Считая порочной, сохраняющуюся практику чрезмерного участия российского государства в управлении предприятиями, они считают, что «необходимо повысить прозрачность, профессионализм и эффективность административного контроля»².

Россия могла бы выиграть, установив взаимовыгодные экономические связи со всеми близлежащими странами. Для установления этих связей отнюдь не обязательен федеральный уровень. «Следует поощрять регионы, - пишут они, - сотрудничать с прилегающими странами... Необходимо дать регионам и муниципальным образованиям возможность самостоятельно заключать взаимовыгодные соглашения без чрезмерного вмешательства федеральных властей»³. Однако не очень похоже, что при современном авторитарном режиме это стало возможным.

Безусловным приоритетом современного развития России является укрепление личной свободы и развитие инициативы. «У народа, не привыкшего к самостоятельной деятельности ради общего интереса, - писал Джон Стюарт Милль, - у народа, который ожидает от своего правительства соответствующих указаний и распоряжений по всем вопросам, представляющим общий интерес, способности развиты лишь наполовину»⁴. Для этого необходимо не только поднятие материального благосостояния (поскольку обнищавший забитый человек далеко не всегда может воспользоваться своей личной свободой), но и развитие хозяйственной инициативы. Настоящим гражданином человек является лишь в той мере, в какой он ощущает себя членом общества и вносит свой посильный вклад в реализацию общей цели. нации.

Необходимо формирование национально ориентированного ведущего слоя общества. Не секрет, что в 1990-е гг. в России сложилась так называемая «оффшорная аристократия», которая перевела свои капиталы в зарубежные страны⁵. Беда не только в бегстве капитала; беда в том, что наша бизнес-элита не превращается в национальную буржуазию и связывает своё будущее с зарубежными странами.

Другой составной частью национально ориентированного ведущего слоя общества

¹ Портер М., Кетелс К., Дельгадо М., Брайден Р. Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики. М.: ЦСР, 2007. С. 82.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 80.

⁴ Милль Д.С. Основы политической экономии. Т. 3. М., 1981. С. 348.

⁵ В связи с этим не удивительно, что такая страна, как Кипр вышла в начале XXI в. на одно из первых мест по вывозу капитала в Россию. На самом деле, в Россию после начала экономического роста возвращался российский же капитал, который находится в подобного рода оффшорных зонах.

является бюрократия, которая лишь постепенно превращается из советской номенклатуры в компетентных государственных служащих – неотъемлемую часть современного западного общества.

В формировании национальной элиты важную роль должна сыграть передовая система образования и культура. К сожалению, и здесь существует много проблем. В настоящее время происходит расслоение российских вузов, которые усиливают и воспроизводят дифференциацию постсоветского общества. Даже в Советском Союзе существовало больше возможностей для представителей региональных центров пробиться на вершину пирамиды.

Крайне важной задачей, необходимой для сохранения российского общества как целого (а не механической совокупности богатой прозападной элиты и бедных «подданных»), является реализации социальной справедливости. Этому будут способствовать:

- Улучшение жилищных условий россиян, неуклонное повышение их благосостояния, развитая система долгосрочного кредитования, последовательное противодействие экономической преступности в жилищном строительстве и меры по стимулированию конкурентоспособности жилищного строительства.

- Создание среднесрочной программы повышения доходов ряда работников государственной службы – учителей, врачей, работников правоохранительных органов (акцент надо делать не на немедленном скачкообразном повышении, а на стабильном росте доходов, связанном с показателями эффективности их работы).

- Введение более строгих наказаний за коррупцию должностных лиц, внедрение принципа круговой поруки (при выявлении факта коррупции строго проверяются все ближайшие коллеги взяточника и задерживаются их служебный рост).

- Повышение прозрачности доходов. Высшим должностным лицам и ведущим предпринимателям предлагается публично (в Сети) размещать информацию о своем личном имуществе.

- Поощрение меценатства. Государство предлагает предпринимателям заниматься меценатством в пользу организаций культуры и науки, гарантируя освещение этих PR-мероприятий в СМИ и налоговые льготы.

***Взгляд в настоящее:
стратегические
приоритеты***

Попытаемся теперь сформулировать стратегические приоритеты на ближайшее десятилетие (на 2010-е гг.). Эти приоритеты должны указывать желаемые изменения самых общих «правил игры», которые воспринимаются и как цель, и как средство ее достижения.

Для развития *личной свободы* необходимо, прежде всего, укрепление доверия между субъектами. Современные экономисты и социологи называют фундаментальными институтами именно доверие между гражданами и доверие граждан к социально-экономическим организациям (государству, банкам и т.д.). Также важную роль играют развитие гарантий частной собственности и систематическая экономическая политика, содействующая свободе.

Не следует воспринимать всякое усиление российского государства как покушение на личную свободу. Если государство создаёт равные для всех правила игры, защищает малообеспеченные слои населения, требует честной уплаты налогов, добивается своевременной выплаты пенсий и зарплат, то в этом трудно усмотреть покушение на демократию.

Институциональные приоритеты в решении проблем *социальной справедливости* должны суммироваться каким-то емким и многозначным лозунгом, который был бы привлекателен для россиян разной идеологической ориентации. Возможны, скажем, следующие варианты:

- «Поставить рыночное хозяйство на службу социальному».

- «Бедными можно быть поодиночке; чтобы достойно жить, мы должны действовать сообща».
- «Основа России – средний класс».
- «Сломать административные барьеры, создать общественный контроль».
- «Стимулировать «региональные локомотивы роста».
- «Осуществлять адресную поддержку уязвимых регионов и обеспечение в них условий для улучшения качества жизни населения как одного из критериев целостности России».

Для повышения *экономической дееспособности* можно предложить следующий набор институциональных приоритетов:

- Создание и поддержание конкурентного порядка, усиление антимонопольной деятельности.

- Переключение приоритетов хозяйственной деятельности с рентоискательной на производительную деятельность и повышение имиджа честного предпринимательства. В 1990-2000-е гг. доход предпринимателей (особенно, высшего звена) сильнее зависел от их участия в «политических играх» и от элементарной коррупции, чем от совершенствования производства. В результате российские бизнесмены приобрели крайне негативную репутацию «легальных преступников», рядовые россияне одобряют любые меры по «раскулачиванию». Чтобы бизнес завоевал уважение россиян, необходимо минимизировать коррупцию и ввести лоббизм в правовые рамки.

- Независимость страны от внешнего экономического давления. Следует добиваться независимости от «нефтедолларов» и от зарубежных кредиторов (типа МВФ). При этом категорически не следует отказываться ни от экспорта нефти и газа, ни от использования зарубежных кредитов. Речь идет о том, чтобы никакие зарубежные события и организация не могли оказывать существенного влияния на выбор россиянами путей развития своей страны.

- Проведение разумного протекционизма в переходный период. Защита национальной промышленности и в этой связи оправданность мер по защите внутреннего рынка, особенно в переходный период, пока хозяйственное развитие в стране не набрало необходимый темп.

- Рост привлекательности России для притока из-за рубежа работников. В ближайшие годы Россия обречена жить под дамокловым мечом «демографической катастрофы» - сокращения числа граждан в трудоспособном возрасте. Поэтому одним из важнейших приоритетов должно быть расширение использования иностранной рабочей силы – главным образом, из ближнего зарубежья.

- Развитие интеграционных отношений со странами ближнего зарубежья («экономическое восстановление единого постсоветского пространства»). Во всем мире укрепляются интеграционные блоки, экономически объединяющие страны с общими границами и с общими проблемами развития (ЕС, НАФТА, АТЭС). Дезинтеграция постсоветского пространства должна смениться интеграцией. Россия не собирается покушаться на политическую независимость Украины, Казахстана, Белоруссии и т.д., но должна твердо держаться курса на их экономическое объединение.

В качестве общих лозунгов возможны следующие варианты:

«Россия учится у Запада и Востока, с тем, что бы быть самобытной евразийской экономической державой.»

«Немцы создали эффективную модель социального рыночного хозяйства XX века, россияне создадут эффективную модель социального рыночного хозяйства XXI века.»

«Россия будет изменяться, не изменяя себе.»

Нуреев Рустем Махмутович

В 1972 году закончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1977 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1990 – докторскую диссертацию.

Заслуженный работник Высшей школы РФ, доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента экономической теории Государственного Университета – Высшая Школа Экономики, член Международной Ассоциации институциональных исследований, сопредседатель Европейской ассоциации научных и учебных институтов по проблемам развития (EADI), участник конференций по проблемам общественного выбора (PCS) и Международного общества специалистов в области новой институциональной экономики (ISNIE), участник международных исследовательских проектов.

Р.М.Нуреев является почетным профессором Донецкого национального технического университета и Института экономики, управления и права (г.Казань)

Сфера профессиональных интересов: микроэкономика, экономика развития, теория общественного выбора, институциональная экономика, экономическая история.

Р.М. Нуреев является автором 7 монографий, 20 учебников и учебных пособий и более 300 научных статей. Его работы были опубликованы в США, Германии, Польше, Словакии, странах СНГ.

Латов Юрий Валерьевич

В 1988 году закончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1993 году защитил кандидатскую диссертацию, в 2009 – докторскую диссертацию. Ученик Р.М. Нуреева, соавтор многих его работ.

Доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, полковник милиции, ведущий научный сотрудник Научного центра Академии управления МВД России, доцент кафедры национальной экономики Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова, член Международной Ассоциации институциональных исследований, член Криминологической Ассоциации России.

Сфера профессиональных интересов: институциональная экономика, экономическая социология, экономическая компаративистика, экономический анализ преступности, экономический и социологический анализ теневой экономики, экономическая история, этносоциология, криминология.

Автор более 220 научных и учебно-методических публикаций по различным аспектам обществоведения.